SSLA2189618 VOL 0, ISS 0

Propaganda discourse in the *The Tale of Cross-eyed Lefty from Tula and the Steel Flea* by Nikolaj Leskov

Maya Kucherskaya

QUERY SHEET

This page lists questions we have about your paper. The numbers displayed at left are hyperlinked to the location of the query in your paper.

The title and author names are listed on this sheet as they will be published, both on your paper and on the Table of Contents. Please review and ensure the information is correct and advise us if any changes need to be made. In addition, please review your paper as a whole for typographical and essential corrections.

Your PDF proof has been enabled so that you can comment on the proof directly using Adobe Acrobat. For further information on marking corrections using Acrobat, please visit https://authorservices.taylorandfrancis.com/how-to-correct-proofs-with-adobe/

The CrossRef database (www.crossref.org/) has been used to validate the references. Changes resulting from mismatches are tracked in red font.

AUTHOR QUERIES

QUERY NO.	QUERY DETAILS
	No Queries

SSLA2189618 Techset Composition India (P) Ltd., Bangalore and Chennai, India 3/11/2023

SCANDO-SLAVICA
https://doi.org/10.1080/00806765.2023.2189618

Routledge
Taylor & Francis Group

Check for updates

Propaganda discourse in the *The Tale of Cross-eyed Lefty from Tula and the Steel Flea* by Nikolaj Leskov

Пропагандистский дискурс в «Сказке о тульском косом левше и стальной блохе» Н. С. Лескова

Maya Kucherskaya

ABSTRACT
This article revisits the sources that Nikolaj Leskov used for "The Tale of Cross-eyed Lefty from Tula and the Steel Flea." The research of the historical context for the creation of "Lefty" and of some previously unaccounted pretexts and sources allows us to assert that behind Leskov's stylization and imitation of the oral speech of an ingenuous narrator lies a stinging parody of Russian propaganda literature of the 1850s–1870s. Leskov focuses on the representation of folk speech in this literature by the literary elite.

KEY WORDS propaganda dicourse; Leskov; Lefty; parody; narrator; Creamean war

PROOF ONLY

0. Введение

«Сказ о тульском косом левше и стальной блохе», или «Левша» – один из самых популярных в России текстов Н. С. Лескова, послуживший основой для многочисленных инсценировок и экранизаций в XX веке (Anninskij 2012, 427–475). Очевидная многоплановость «Левши» – тульские мастера без всяких приспособлений сумели подковать изготовленную англичанами микроскопическую стальную блоху, однако вместе с тем испортили ее, блоха перестала танцевать – привела к тому, что критики никак не могли разобраться, высмеял или возвысил Лесков русских мастеров. Лишь после включения Лескова в середине 1940-х-начале 1950-х годов в литературный канон и утверждения за Лесковым статуса классика (Kucherskaja 2014) «Сказ о тульском косом левше» был преподнесен обществу как «апофеоз талантливости русского человека, который «всё может»» (Stoljarova 1996, 61), что и позволило включить «Левшу» в школьную программу. Понятно, что этот навязанный стереотип восприятия, совершенно игнорировал иронический подтекст лесковского сказа.

CONTACT Maya Kucherskaya mayakuch@gmail.com
© 2023 The Association of Scandinavian Slavists and Baltologists

Данная статья посвящена анализу исторического контекста создания «Левши», а также его неучтенных претекстов и источников, преимущественно пропагандистских сочинений эпохи Крымской войны. Рассмотрение сказа в историческом и литературном контексте позволит точнее описать круг идей актуальных для Лескова в начале 1880-х, а также раскрыть прежде не востребованные смыслы его знаменитого сочинения.

1.0 Исторический контекст создания «Левши»

Лесков работал над сказом «Левша» с апреля по начало мая 1881 года[1], то есть вскоре после того, как 1 марта 1881 года в Петербурге членами революционной организации «Народная воля» был убит император Александр II. В течение двух месяцев это событие было одним из самых обсуждаемых, как на страницах периодических изданий, так и в частных разговорах (Safronova 2014).

Сразу после гибели императора С. Н. Шубинский, главный редактор «Исторического вестника» – журнала, с которым Лесков в то время плотно сотрудничал – заказал писателю статью о цареубийстве. Лесков согласился, но написать статью так и не сумел. В письме Шубинскому он объяснил свой отказ так: «Два дня писал и всё разорвал. Статьи написать не могу, и на меня не рассчитывайте. Я не понимаю, что такое пишут, куда гнут и чего желают. В таком хаосе нечего пытаться говорить правду, а остается одно – почтить делом старинный образ «святого молчания». Я ничего писать не могу.» (Leskov, 11, 251)[2]

Итак, Лесков не счел возможным напрямую высказываться о произошедшем. Можно только предполагать, почему: не исключено, что он просто не имел однозначного мнения по поводу свершившихся событий, равно как и правления Александра II – ценя его реформаторскую деятельность в начале 1860-х, позднее Лесков, как и многие, разочаровался в ее продуктивности, однако говорить об этом после гибели царя было бы неуместно. Не менее вероятно, что писатель предпочел молчание, потому что однажды опыты реакции на злободневные политические события слишком дорого ему дались (вспомним историю с «пожарной» статьей и романом «Некуда»).

Тем не менее заказ Шубинского написать о цареубийстве для журнала, безусловно, подтолкнул Лескова к интенсивным размышлениям на эту

[1]В картотеке главного биографа писателя, его сына А. Н. Лескова, есть запись: «Апр.-начало мая 1881. Работа над произведениями «Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе» и «Леон, дворецкий сын»» (Leskov Andrej, Kartoteka, 1677).

[2]Здесь и далее дается ссылка на издание Лесков Н. С. *Собрание сочинений в 11-ти томах*. М.: Государственное издательство Художественной литературы (1956–1958). При ссылке указывается СС, номер тома и страницы. Курсив в цитатах – всегда авторский.

PROOF ONLY

тему. 3 апреля на Семеновском плацу состоялась публичная казнь народовольцев, к которым, как известно, наблюдавшая за казнью толпа не проявила ни малейшего сочувствия. 29 апреля был опубликован Высочайший манифест, составленный обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым, провозглашавший веру в «силу и истину» самодержавия и необходимость водворения порядка. За два месяца до этого министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов вместе с Александром II планировал создать представительный законовещательный орган, несколько ограничивающий самодержавие. 4 мая Лорис-Меликов вынужден был уйти в отставку. Россия вступила в эпоху контрреформ.

Вскоре после этих перемен, 12 мая 1881 года, Лесков сообщил в письме И. С. Аксакову о том, что сочинил для альманаха писательницы и переводчицы Е. Н. Ахматовой небольшую работу, выполняя данное ей обещание:

> Начал ей писать на всем своем произволе маленькую штучку в 2 листа и вдруг облюбовал это и порешил скрасть это у нее и отдать Вам, а ей написать что-либо побабственнее […] Написалось у меня живо и юмористично три маленькие очерка (все вместе в 2 листа) под одним общим заглавием: «Исторические характеры в баснословных сказаниях нового сложения». Это картины народного творчества об императорах: Николае I, Александре II и Александре III. Все это очень живо, очень смешно и полно движения. Словом, это всем, кому читал, нравится, и, по-моему, я вряд ли напишу лучше, тем более что мне некогда, а Вы можете это провести, ибо это не дерзко, а *ласково*, хотя не без некоторой правды в глаза. Короче – это цензурно и необидно. (Leskov, 7, 499–500)

Это признание, скорее всего, связано с созданием «Левши», а также сказа «Леон дворецкий сын, застольный хищник», в котором появляется Александр III – как мудрый царь и враг хищений из казны. «Леон дворецкий сын» в итоге и был напечатан в сборнике Е. Н. Ахматовой (*Jubilejnaja knižka* 1881). Третий «маленький очерк», Лесков, судя по всему, так никогда и не написал. Но если в сказе «Леон дворецкий сын» Лесков пишет о правящем монархе вполне комплиментарно, то в «Левше» о правителе, уже сошедшем с исторической сцены, высказывается намного более свободно. В сущности, «Левша» становится иносказанием о природе царской и государственной, власти в России. О том, что Лесков думал об этом, мы догадываемся хотя бы из процитированного письма Аксакову с галереей монархов.

Как уже указывалось, объяснить хаос настоящего, а также отозваться на избранную новым царем, при активном участии главного идеолога эпохи обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, политическую программу Лесков предпочел с помощью ретроспекции. Используя этот прием, Лесков воспроизводил логику как журнала

PROOF ONLY

«Исторический вестник», так и других изданий, обсуждавших причины мартовской трагедии в исторической перспективе. Статьи, посвященные цареубийству, нередко анализировали не только правление Александра II, но и его предшественников на русском престоле (Bulgakov 1881, 858–865; Safronova 2014, 109–151). В этом отношении задуманная Лесковым структура трилогии о трех царях отчасти являлась калькой публицистических выступлений весны 1881 года. В частности, Орест Миллер, который в итоге написал статью вместо Лескова для «Исторического вестника», привел ясную мотивировку этого «взгляда назад»:

> Как же не оглянуться назад – на выдающиеся стадии того пути, который привел нас к этой дикой вере, пути, исходною точкою которому в сущности послужила также вера – слепая вера в единую спасающую европейскую цивилизацию? Мы крестились в нее не водой и духом, а кровью и неволею, под влиянием Петровского террора. Кровавым террором началась, кровавым террором и кончилась. (Miller 1881, 854)

С большой долей вероятности можно допустить, что «Сказ о тульском косом левше» оказался для Лескова художественной *заменой* так и не написанной для «Исторического вестника» статьи о цареубийстве и попыткой объяснить на языке художественной прозы происходящее в России.

2. Военная тематика в «цеховой легенде»

«Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе (Цеховая легенда)» впервые был опубликован в газете «Русь» И. С. Аксакова в октябре 1881 года. Лесков отдал «Левшу» в издание Аксакова, скорее всего, неслучайно: для него было принципиально, чтобы сказ о русских умельцах, которые без «мелкоскопа» подковали, но в итоге парализовали английскую блоху, прозвучал именно в славянофильском контексте. Лесков вполне разделял нелюбовь Аксакова к петербургской государственной и церковной бюрократии, однако в отличие от него в перспективность союза монархии и народа не верил (Rančin 2018, 130–132). Но расхождения во взглядах не помешали Аксакову, вслед за очерком Лескова о народном вероучителе Иване Исаеве «Обнищеванцы», опубликованном в том же 1881 году («Русь», 1881, № 16–21, 24, 25), напечатать у себя в газете и «Сказ о тульском косом левше».

В первой публикации повесть сопровождало предисловие, в котором Лесков утверждал, что история о подкованной блохе услышана им от старого оружейника (Leskov, 7, 499). Критики в мистификацию поверили (Buchštab 1958, 502–503), и в конце концов это раздражило Лескова: принимая «Левшу» за пересказ известной легенды, автору, по сути, отказывали в оригинальности. В результате в июне 1882 года в открытом письме в газету «Новое время» Лесков признался, что на самом деле

PROOF ONLY

никакой оружейничьей легенды не существовало, а история о блохе – его выдумка: «[Я] весь этот рассказ *сочинил* в мае месяце прошлого года, и *левша* есть лицо *мною выдуманное*» (Leskov, 7, 501).

Между тем в жизни Лескова был эпизод, когда он действительно тесно общался с «оружейником» – помощником начальника местного оружейного завода Н. Е. Болониным снимая у него дом в Сестрорецке летом 1878 года. Но судя по всему, легенды о тульском косом левше этот «оружейный мастер» Лескову не рассказывал, однако он упоминал «о варварском обращении с огнестрельным оружием при «Павловичах», когда «ружья чистились толченым кирпичом или песком и снаружи и снутри», и отмечал, что с тех пор немногое изменилось, новый тип винтовки «берданки» до армии практически не дошел (Leskov Andrej 1984, 2, 103). О том же писали и участники войны, и публицисты конца 1870-х: турецкая армия использовала новое произведенное англичанами и американцами оружие и заметно превосходила русскую в техническом отношении (Bajandin 2008; Svečin 2002, 350–361).

Тем не менее, вполне в логике тульских оружейников из «Левши», не имевших «мелкоскопа», несмотря на техническую неоснащенность, победа осталась за русской армией и воспринималась в России как реванш за поражение во время Крымской войны; вот почему воспоминания о той, проигранной войне также постоянно возникали и в частных разговорах, и в публицистике в 1878 году (Kočukov 2012).

Из сказанного достаточно очевидно – разумеется, при условии, что обстоятельства ее переданы мемуаристом верно – встреча с Болониным, обсуждение русского оружия и двух войн, вполне могла повлиять на замысел «Левши», одним из ключевых мотивов которого стал мотив войны – здесь он связан, в первую очередь, с Крымской войной. В предисловии к первой публикации «Левши» Лесков специально анонсирует, что цеховая легенда открывает «некоторую секретную причину военных неудач в Крыму» (Leskov, 7, 499), а в конце сказа мы узнаем этот секрет – не стоит чистить ружья кирпичом. Отметим также, что антианглийские настроения в России появились, начиная именно со времен Крымской войны (Dolinin 2019).

3. Крымская война

Военный мотив, легший в основу сказа Лескова, достаточно четко конкретизирует зону поиска его источников. Отметим, что вопрос о возможных претекстах «Левши», и обстоятельствах, повлиявших на Лескова при его создании, неоднократно обсуждался в специальной литературе. В XX веке сложилось три основных исследовательских версии о

PROOF ONLY

происхождении «Левши»[3]. Вероятность, что именно указанные в названных исследованиях претексты (от исторических песен о Матвее Платове до заметки в «Северной пчеле») сформировали сюжет лесковского сказа, однако, недоказуема. Но само обилие его возможных претекстов, скорее всего, означает, что единственного сюжетного источника у оружейной легенды о тульском косом левше просто не существовало. Кроме того, ни в одном из исследований не учитывалось, что «Левшу» можно прочесть, как попытку художественного ответа на вопрос о причинах неудачи Крымской войны.

Принципиально, что для Лескова Крымская война стала частью его биографии: с декабря 1849-го по май 1857-го года он служил в рекрутском присутствии Казенной палаты Киева, то есть провел здесь всю Крымскую войну (1853–1855), с первых и до последних ее дней. Служба в рекрутском присутствии стала для будущего писателя источником крайне болезненных переживаний, связанных, в первую очередь, с рекрутированием (часто беззаконным) мальчиков-евреев в кантонисты. Этот опыт Лесков подробно описал в рассказе «Владычный суд» (1876). Понятно, что в военное время обстоятельства набора делались особенно драматичными: взрослые рекруты отправлялись непосредственно на войну. Не исключено, что именно поэтому Лесков крайне редко упоминал в прозе об этой эпохе своей жизни и обратился к ней лишь десятилетия спустя, в частности, в «Печерских антиках» (1883), описывая патриотический подъем начала Крымской войны с большой иронией:

> Все мы тогда чувствовали себя необыкновенно весёлыми и счастливыми, бог весть отчего и почему. Никому и в голову не приходило сомневаться в силе и могуществе родины, исторический горизонт которой казался чист и ясен, как покрывавшее нас безоблачное небо с ярко горящим солнцем. Все как-то смахивали тогда на воробьёв последнего тургеневского рассказа: прыгали, чиликали, наскакивали, и никому в голову не приходило посмотреть, не реет ли где поверху ястреб, а только бойчились и чирикали:
>
> – Мы ещё повоюем, чёрт возьми!
>
> Воевать тогда многим ужасно хотелось. Начитанные люди с патриотическою гордостью повторяли фразу, что «Россия – государство военное», и военные люди были в большой моде и пользовались этим не всегда великодушно. (Leskov, 7, 177)

[3]Первая возводила сюжет «Левши» к реальному эпизоду конца XVIII века, поездке туляка оружейника Алексея Сурнина в Англию (Zybin 1905); вторая – к циклу народных исторических песен и легенд об атамане Матвее Ивановиче Платове (1751–1818) (Litvin 1956, 125–134); наконец, третья доказывала, что поговорка «Англичане из стали блоху сделали, а наши туляки ее подковали да им назад отослали», была придумана самим Лесковым на основе поговорки «Туляки блоху подковали», тем не менее на замысел сказа мог повлиять фельетон из газеты «Северная пчела» (1834, № 78) об умельце Илье Юницыне, который делал микроскопические замочки и ключики к ним «без помощи машины, а просто руками и обыкновенными, грубыми инструментами слесарного ремесла» (Buchštab 1982, 93–95).

PROOF ONLY

Лесков обращался к крымской теме и в более раннем рассказе «Бесстыдник», который вышел в первой редакции под названием «Морской капитан с сухой Недны. Рассказ entre chien el loup. (Из беседы в кают-компании)» (1877)[4] и посвящался бесстыдству интендантов и богатству натуры русского человека, способного как на героизм, так и на воровство – в зависимости от того, в каких он окажется обстоятельствах. Кажется, что мотив двойственности человеческой натуры, обыгрываемый в «Бесстыднике» коррелирует с идейной амбивалентностью «Левши», в которой гениальное мастерство русских мастеров сталкивается с их ограниченностью. Итак, Крымская война и сопровождавшие ее общественные настроения россиян, безусловно, занимали Лескова и до написания «Левши».

В процитированном фрагменте «Печерских антиков» говорится о «начитанных людях», повторявших «с патриотической гордостью» фразу «Россия – государство военное». Но что же именно читали эти люди? Можно предположить, что Лесков намекает здесь на чтение актуальной публицистики, в первую очередь, официальную печать, активно продвигавшую представления о России как о сильном военном государстве и русском народе-чудотворце, которые, в свою очередь, отливались в формулы художественной пропагандистской литературы, преимущественно поэзии. Рассмотрим «Левшу» в контексте этой литературы.

Публикации агитационных материалов в периодических и книжных изданиях неизменно активизируются во время военных конфликтов, в России это явление приобрело массовый характер, начиная с войны 1812 года. И все же особенно бурный поток ура-патриотических текстов хлынул на страницы российских периодических изданий именно в начале Крымской войны. Пропагандистская литература эпохи русско-турецкой войны 1877–1878 года, расположенная хронологически значительно ближе ко времени создания «Левши», формировалась вокруг иной политической повестки, указывавшей на освободительную миссию России, необходимость помогать братьям славянам и укреплять всеславянское единство. Иван Аксаков, кстати, принимал в формировании ее самое непосредственное участие (Brooks 2003; Zolotarëv 2005; Kočukov 2014). К тому же «Левше» дано прямое указание на Крымскую войну, а потому логично рассмотреть историю тульской стальной блохи именно в контексте поэзии, появившейся в середине 1850-х годов.

[4]См. «Сборник морских статей и рассказов», выходивший в качестве приложения к журналу «Яхта. Листок для любителей морского дела» (1877, Февраль, 65–77; Март, 113–126).

PROOF ONLY

4. Пропагандистская поэзия эпохи Крымской войны в «Сказе о тульском косом левше»

Попытки очертить тематический диапазон агитационных текстов эпохи Крымской войны неоднократно предпринимались в исследовательской литературе (Ratnikov 1999; Orlov 2008; Fedjanova 2008; Ratnikov 2016; Šešunova 2016). В частности, указывалось на то, что одним из самых регулярных мотивов этих текстов стали инвективы, направленные на англичан и Великобританию (Šešunova 2016). Разумеется, Франция, вошедшая в антироссийскую коалицию вместе с Османской империей и Сардинском королевством, в агитационных стихотворениях также подвергалась насмешкам, однако Великобритания, игравшая в коалиции главенствующую роль, оказывалась объектом иронии заметно чаще.

4.1 Русский миф об англичанах

К середине 1850-х годов структура русского мифа об англичанах в целом сформировалась. Одним их ключевых элементов его была промышленная мощь Британии (Erofeev 1982; Kaznina 2001), однако в агитационных текстах она неизменно обесценивалась. Авторы агитационных текстов подчеркивали, что техническая оснащенность не поможет англичанам одержать победу – на хитроумные машины всегда найдется крепкий русский кулак; изображение кулака с надписью «Раскуси» присутствовало в одной из брошюр (*Sobranie pesen* 1854). В одном из самых популярных стихотворений почтового чиновника В. П. Алферьева «На нынешнюю войну», которое было опубликовано дважды, в газете «Северная пчела» (15 февраля 1854 года) и в журнале «Современник» за тот же год, а также положено на музыку и разошлось в списках, метафорой, изображавшей Русь, стала именно машина. Она устроена в соответствии с собственной логикой, обладает высоким давлением, но работает «без паров» и противостоит британским «правильным» машинам.

Альбион – статья иная:
Он еще не раскусил,
Что за машина такая
Наша Русь, и в сколько сил.

То-то будет удивленье
Для практических голов,
Как высокое давленье
Им покажут без паров!

Знайте ж – машина готова,
Будет действовать, как встарь,
Ею двигают три слова:

PROOF ONLY

Бог, да родина, да царь!
(Orlov 2008, 314)

Движение русской машины, как видим, обеспечивают не техника, а идеология, в последней строчке Алферьев пересказывает знаменитую уваровскую триаду – «самодержавие, православие, народность».

В стихотворении Ф. Н. Глинки, опубликованном без подписи, уже без всяких иносказаний также указывалось, что на английские машины найдутся русские национальные орудия битвы – палка и клюка:

И все машины, вздор какой:
Французов били ж бабы наши
Где просто палкой, где клюкой!
(Orlov 2008, 171)

Неловкость британцев подчеркивается и в других пропагандистских текстах середины 1850-х: в стихотворении «Англичане и с русским петухом не сладили, или Бухта Колинги», например, англичане, проголодавшись, мечтают съесть «русского петуха», но не в состоянии его поймать, петух никак не дается им в руки (*Angličane i s russkim petuchom ne sladili* 1854, 7). Очевидно, что петух в этом стихотворении – аллегория, указывающая на ловкий и боевой русский народ.

В пропагандистской поэзии середины 1850-х британцы характеризуются не только как неумелые и излишне прагматичные, но и как горькие пьяницы, которые постоянно пьют джин и ром. Вот как они сами себя характеризуют в одном из текстов[5]:

Ром, портер, джин – отцов наследство,
Любимое питье у нас;
И утешительное средство,
Как поколотят нас под час!
Тогда мы тешимся вином,
Пьем портер, джин, ямайский ром! 2 р.

Когда случится нам заехать,
Куда совсем не просят нас,
И нам придется вдруг отъехать
С носами длинными под час,
Тогда мы тешимся вином, 2 р.

Или когда чухонца барку
На страх врагам мы отобьем,
На радостях мы хватим чарку,
Да так уж целый день и пьем!
(*Anglijskij tabor 1855*, 3)

[5]Эта песня является переделкой студенческой песни «Крамбамбули», переведенной с немецкого Н. М. Языковым (Jazykov 1934, 795–796).

PROOF ONLY

В другом стихотворении горькими пьяницами представлены два знаменитых британских вице-адмирала – Чарльз Джон Нейпир и Джеймс Уитли Дандас:

Вчера, Непир сидел с Дондасом
За джином, коньяком;
Один орал ужасным басом!
Другой-то дишкантом.
Но вот, вдруг двери растворились
Прибавилось друзей;
И лишь, едва они ввалились
Какой-то дуралей;
Как будто, с цепи он сорвался
Бегом, бегом к вину!
И уж действительно, купался
В вине, рыл ветчину.
(Presnov 1855, 7)

К фигуре вице-адмирала Дандаса, главнокомандующего Средиземноморского флота, стоявшего под Кронштадтом, а затем бомбившего Севастополь, поэтическое воображение пропагандистских виршей обращалось еще неоднократно. Он неизменно представал в них пьяницей и неудачником, которому еще достанется от русских:

Между тем, пока сбирался,
Во поход Британский флот;
Сер Дондас так нализался,
И под палубой уснул.
Но недолго сон лелеял, —
Адмирал скоро вскочил;
И как будто помешавшись,
Сам себя он вопросил?
Что за чудо, что за сон,
Видел баню я во сне,
Да притом уж столько пару,
Что еле-еле стерпеть мог.
Уж не даром баня снится,
Предвещает что-нибудь.
1. (S. D. 1855, 1)

Все выявленные мотивы агитационной поэзии эпохи Крымской войны – ничтожество британских машин перед лицом могучей русской силы, неловкость англичан, их пьянство – используются и в «Сказе о тульском косом левше» Н. С. Лескова. Сам же Левша оказывается прямым наследником процитированных выше текстов. В Лондоне ему показывают «металлические фабрики и мыльно-пильные заводы», но чудеса технического прогресса Левшу, как и авторов агитационных стихотворений, не удивляют – в отличие от «хозяйственных порядков»,

PROOF ONLY

«особенно насчет рабочего содержания» (Leskov, 7, 52). И понятно почему: русские мастера подковали блоху без чудо-машин, «мыльно-пильных заводов» и «мелкоскопа» – все потому, что у них «глаз пристрелявши», и значит, в технической изощренности они, в глазах Левши, англичанам не уступают. Но в отличие от русского мастерового английский рабочий, как отмечает Левша, одет «не в обрывках», «работает не с бойлом, а с обучением и имеет себе понятия» (Leskov, 7, 53), иначе говоря, учится ремеслу без тумаков и подзатыльников и сохраняет чувство собственного достоинство.

Англичане в «Левше» так же, как герои пропагандистских стихотворений, способны и на беспробудное пьянство: Левша пьет на спор с английским полшкипером. Однако в сказе Лескова британское пьянство вполне уравновешивается русским: способности русского мастера и английского моряка в потреблении спиртного оказываются равны, оба допиваются буквально до чертиков, но никто из них так и не выигрывает пари.

4.2 Война 1812 года

В агитационных стихотворениях середины 1850-х постоянно появляется параллель между Крымской войной и Отечественной войной 1812 года. Подтекст этого сравнения прозрачен: французы вновь выступают против России, на этот раз в союзе с англичанами, словно бы забыв о своем поражении в начале века. О победе в 1812 году вспоминали многие поэты (Miller 1881; Miller 1854; Polonskij 1854; Oznobišin 2001, 550–551), среди них и Федор Глинка в одном из самых популярных стихотворений эпохи «Ура!»:

> Но год *двенадцатый* не сказки,
> И *Запад* видел не во сне,
> Как двадцати народов каски
> Валялись на Бородине.
> (Glinka 1854, 3)

Похожий композиционный ход, перемещение действия из эпохи Николая I в эпоху Александра I, только что одержавшего победу над Наполеоном используется и в «Левше». Первая же фраза сказа («Когда император Александр Павлович окончил венский совет, то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть» (Leskov, 7, 26)) включает прямую историческую отсылку на эпоху русских побед над Наполеоном и Венский конгрессе, подтвердивший главенствующее положение России и других стран-победительниц в Европе. Недаром и в Англию Александра I сопровождает прославленный герой Отечественной войны 1812 года, донской казак Платов. Лесков опирается

PROOF ONLY

на реальный эпизод: в 1814 году после заключения Парижского мира Александр Павлович действительно посетил Лондон вместе с донским атаманом М. И. Платовым, которого встречали в Англии с большими почестями и даже сделали почетным доктором наук Оксфордского университета. Лесков использует этот эпизод для своих художественных целей: в «Левше» Платов оказывается, с одной стороны, олицетворением слепой чиновничьей силы, с другой, посредником между двумя эпохами, но это исторической реальности противоречит – знаменитый атаман не дожил до николаевского правления, он умер в 1818 году. Однако Лескову он нужен и в 1850-е годы, атаман Платов умер, но олицетворенная им слепое к нуждам граждан государственная сила – нет.

4.3 Солдатские песни

Еще один излюбленный авторами агитационной поэзии, и отнюдь не только времен Крымской войны, прием: имитация точки зрения человека из народа, стилизация под простонародную речь, и понятно почему: агитационная продукция должна была быть понятна предельно широкой аудитории. Для большей доступности текста авторы использовали просторечия, жаргонизмы и подчеркнуто разговорные синтаксические конструкции. Поэтому и одним из самых популярных жанров стала песня, написанная словно бы от лица всего русского народа. Но в потоке песен иногда встречались и сказки, и басни (Sobranie pesen 1854). К этому приему задолго до середины XIX века не раз обращались и авторы других, сконструированных в элитарных кругах патриотических текстов: один из самых известных примеров – пропагандистские афишки графа Ф. В. Ростопчина. Его опыты, кстати, были хорошо известны Лескову. В рецензии на пятый том «Войны и мира» он писал о Растопчине, опираясь, судя по всему, не только на роман Льва Толстого: «Фразистый патриотизм, какая-то кипяченая верченность, русская балаганность пополам с французским гаменством» (Leskov, 10, 108). Процитированное описание афишек Растопчина выглядит как автоописание, очень метко называющие отдельные черты поэтики «Левши», и может служить еще одним косвенным доказательством того, что нарочитость языка сказа Лескова, его «верченность», идеология патриотизма в подтексте, а также опора на русский фольклорный театр[6] – результат сознательных усилий Лескова, через воспроизведение дискурсивных стратегий пропагандистских текстов написавшего пародию на них.

[6]Инсценировка Евгением Замятиным «Левши» в форме балаганного действа использует именно эту особенность сказа Лескова, его подчеркнутую театральность. Мотив побоев, столкновение Петрушки и иностранца (немца), матримониальный мотив, появление черта в «Левше» также сближают сказ Лескова с русским народным театром, в первую очередь, историями о Петрушке (*Fol'klornyj teatr 1988*, 225–299).

PROOF ONLY

Комплексом описанных мотивов и приемов параллели между «Сказом о тульском косом левше» и агитационными текстами эпохи Крымской войны не исчерпываются. По пути в Англию Левша «на всю Европу» поет русские песни, и только припев делает «по-иностранному: «Ай люли — се тре жули»». Похожая форма использовалась и в русской агитационной поэзии: одна из брошюрок так и называлась «Английские песни на русский лад» (Преснов 1855), в нее вошли вымышленные монологи англичан, исполняемые на мотивы русских песен.[7]

Отметим, что воспроизводя основные мифологемы агитационной поэзии эпохи Крымской войны, Лесков параллельно окликает и другие любимые риторические фигуры патриотической поэзии: в частности, символом национальной идентичности уже в лубках был русский царь и русская церковь, верность которой хранил Левша.

4.4 Блоха

Неожиданное совпадение с концепцией лесковского «Левши» обнаружилось в книге беллетриста Василия Ивановича Савинова «Сцены из русского народного быта» (Savinov 1852)[8], также представляющих собой художественную репрезентацию русской национальной культуры представителем культурной элиты. «Сцены из русского народного быта» Савинова – иллюстрированное издание, включающее картинки из русского быта и портреты русских типов (сбитенщик, кузнец, дворник, торговка, извозчик, торговка и т. д.). О каждом излагается небольшая житейская история.

Одна из новелл сборника, «Важная штука», рассказывает о бочаре Михей Михеиче, который сумел отвадить целовальника Кузмича от своей жены; новелла предваряется рассуждениями о всесилии русского человека, который, если пожелает, раскусит любую заморскую премудрость:

> Простой русский человек за свое *авось* прячется как за каменную стену. Тронь же его самолюбие, расшевели его ретивое, похвастай ему хоть сам Илья Муромец своими подвигами, хоть Москву в решете покажи, или ученую блоху на цепочке со шпорами, да дай только приглядеться, смекнуть, умом-разумом понять, в чем дело, раскусить премудрость заморскую или шутку – казусную, он опять-таки полезет за ухо, не поморщится, ухмыльнется только и напевно молвит: эка невидаль, диковина писаная! … Для ча не смекнуть. Раскусили брат! Не дадим маху! Важная штука! (Savinov 1852, 18)

Лёгкость, с которой В. И. Савинов, знаток простонародной жизни и быта, обращается к ученой блохе, указывает на то, что скорее всего перед нами

[7]Ср. «Песня Дондаса при отправке в Балтийское море» (На голос «Я в пустыню удаляюсь»).
[8]За указание на этот источник выражаю искреннюю признательность доценту А. В. Вдовину.

PROOF ONLY

– фольклорный топос. Блоха на цепочке и со шпорами представляет здесь «премудрость заморскую или штуку», которую легко раскусит сообразительный русский человек. Отметим также, что впервые книга Савинова вышла в 1852 году, а затем была переиздана во время Крымской войны, в 1855-м, когда ее тематика и внимание к русским национальным типам обрели новую актуальность. Интересно, что Савинов сотрудничал с «Северной пчелой» в начале 1860-х, в те же годы, когда там работал Лесков, хотя сведений об их личном знакомстве не сохранилось.

Разумеется, миниатюрная блоха, выделывающая фокусы, могла попасть в фантазии Лескова и из других источников, лежавших за пределами текстов, транслирующих представления о русской национальной идентичности (Kučerskaja 2021, 426–428; Levin 1987). Рассмотрение их не входит в задачи данной статьи, укажем лишь на один возможный источник «Левши», который, на наш взгляд, мог подсказать Лескову пародийное решение темы.

Осенью 1880 года, то есть за полгода до появления «Левши» журнал «Отечественные записки» опубликовал перевод ранних сатирических очерков Чарльза Диккенса «Мадгофские записки» («Mudfog papers») (Dikkens 1880). В состав этого цикла входил и «Подробный отчет о заседаниях первого конгресса мадфогской ассоциации для развития всего». На этом мифическом конгрессе зачитывался и доклад «Несколько замечаний о трудолюбивых блохах»[9], в которых докладчик описывал увиденных на выставке дрессированных блох, в том числе тех, что «получили балетное воспитание и танцевали характерные танцы». Труд блох, расходуемый так неэффективно, должен, по мнению автора доклада, использоваться более продуктивно и служить государственной пользе. Это пародийное произведение Диккенса, высмеивающее удаленность научных занятий от реальной жизни, всерьез обидело британское ученое сообщество, произведение подверглось критике, и после первой публикации 1837 года Диккенс уже не включал «Мадгофские записки» в собрания сочинений. Вероятность того, что Лесков, любивший Диккенса, прочитал в «Отечественных записках» его очерк осенью 1880 года весьма высока, а значит, подхватить блошиный мотив, также, как и пародийную форму, он мог именно оттуда. Стоит заметить, однако, что и в блошиных представлениях начала XIX века, и в очерках Диккенса действовали живые блохи, стальная блоха-танцовщица была придумана Лесковым.

[9]Полное название доклада: «Несколько замечаний о трудолюбивых блохах, о важности учреждения первоначальных школ для этого многочисленного класса общества, о применении их трудолюбия к полезным и практическим целям и о создании на излишний из заработок постоянного фонда для обеспечения им спокойной и мирной старости» («Отечественные записки» 1880, № 10, 499).

PROOF ONLY

5. Заключение

Агитационная патриотическая поэзия в целом и пропагандистская поэзия эпохи Крымской войны в частности оказалась идеологическим контекстом, который позволяет объяснить многие смысловые и композиционные ходы «Левши»: помещение в центр повествования англичан, противопоставление англичан и русских, воспоминание о победе 1812 года, наконец, языковую прихотливость этого текста, подобно многим патриотическим сочинениям стилизующего полуграмотную речь простолюдина. Дополнительным доказательством того, что Лесков написал «Левшу», опираясь и обыгрывая пропагандистский дискурс, является и то обстоятельство, что именно в начале 1880-х он осваивает стратегию создания текста-палимпсеста в своих историко-публицистических работах, в центре которых оказывается «чужое» слово (Fedotova 2018, 124). Таким образом, «Сказ о тульском косом левше» можно рассматривать как последовательную пародию на риторику русских агитационных литературных текстов, в первую очередь, поэтических сочинений эпохи Крымской войны.

Стилизация «Левши» под простонародную речь помогла Лескову замаскировать пародийную направленность сказа[10], выдать его за текст без двойного дна, именно поэтому при первой публикации он мистифицировал читателя указанием на ложный источник (несуществующую оружейничью легенду), впрочем, там же дал и ключ к другим источникам, упомянув в конце предисловия о «некоторой секретной причине военных неудач в Крыму» (Leskov, 7, 499).

Пародийная прагматика «Левши» позволяет по-новому объяснить включение в его повествование и несуществующих слов: «бюстры» (соединение «бюсты» и «люстры»), «свистовой» (вместо «вестовой»), «презент» (вместо «брезент»), «полшкипер» (вместо «подшкипер»), «мелкоскоп», «клеветон», «безрассудок», «Аболон Полведерский», «Твердиземное море» и т.д. Комплекс этих построенных на основе ложной этимологии слов, основная языковая приправа «Левши», становится эффективным инструментом Лескова-пародиста, помогающим ему усилить иронию, объектом которой оказывается не только невежественный народ и близкий к нему рассказчик, но и российская элита, образованный читатель, который готов принять безграмотные этимологии и неспособность отличить люстру от бюста за признаки народного мышления.

Конструкция получается прихотливой: Лесков иронизирует и над ограниченностью русских умельцев, и над простодушием

[10]О близости стилизации и пародии см. Тынянов Ю. Н. «Достоевский и Гоголь. К теории пародии» (Tynjanov 1977, 201).

PROOF ONLY

необразованного рассказчика, который не осознает собственного невежества, но не в меньшей степени и над образованным читателем, представляющим простого русского человека именно таким, не в последнюю очередь благодаря очеркам писателей-шестидесятников, а позднее и народников. Это позволяет проблематизировать «Левшу» и как отклик Лескова на репрезентацию простолюдина в русской литературе (Frierson 1993; Ogden 2005; Vdovin & Zubkov 2021). Смысл этого отклика кажется очевиден: в восприятии Лескова между сословиями в России царит глухота. Глухи к простолюдину те, кто пытается имитировать его восприятие в пропагандистских стихотворениях, кто бросает его в коляску «вроде пубеля». Однако глух и народ к просвещению и высокой культуре – сочетая остроумие и безграмотность, он предпочитает переводить загадочные для него выражения на язык доступных ему понятий, в духе « Аболона полведерского».

«Сказ о тульском косом левше» можно трактовать как художественный результат инициированных гибелью Александра II размышлений Лескова о русском самодержавии, русском самоидентичности и логике русской истории. Нетрудно предположить, что «секретная причина» революционного террора и цареубийства, равно как и гибели самых талантливых представителей нации, скрывалась для него в том числе и в неодолимости дистанции между высшими и низшими сословиями в России, между представителями высшей государственной власти и их подданными.

Литература

Angličane i s russkim petuchom ne sladili, ili Buchta Kolingi. 1854. Sankt-Peterburg: Tipografija Ekberst.

Anglijskij tabor. 1855. Sankt-Peterburg: tipografija počtovogo departamenta.

Anninskij, Lev. 2012. *Leskovskoe ožerel'e*. Sankt-Peterburg: Bibliopolis.

Bajandin, Vladimir. 2008. "Vooruženie russkogo soldata (vtoraja polovina XIX – načalo XX v.)." *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta № 307* (Fevral'), 51–56.

Bertolotto, Lui. 1839. *Istorija blochi, soderžaščaja v sebe ves'ma ljubopytnye nabljudenija nad sim nasekomym*. Moskva: Universitetskaja tipografija.

Brooks, Jeffrey. 2003. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Evanston: Northwestern University Press.

Buchštab, Boris. 1958. "Primečanija." Leskov, Nikolaj, *Sobranie sočinenij v 11 tomach*. T. 7. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo chudožestvennoj literatury.

—— 1982. "Ob istočnikah 'Levši' N. S. Leskova." *Literaturovedčeskie rassledovanija*. Moskva: Sovremennik, 72–101.

Bulgakov, Fëdor. 1881. "Obščestvennoe broženie i russkaja škola." *Istoričeskij vestnik* 4, 858–865.

Dikkens, Čarl'z. 1880. "Neizdannye očerki Čarl'za Dikkensa. Podrobnyj otvet o zasedanijah pervogo kongressa Madgofskoj associacii." *Otečestvennye zapiski* 10, 491–511.

Dolinin, Aleksandr. 2019. "Angličanka gadit: istorija zaezžennoj frazy." *Intermezzo fesoso. Liber amicorum in honorem Lea Pild*, red. M. Borovikova, R. Vojtechovič, T.

PROOF ONLY

Guzairov, L. Kiselëva, R. Lejbov, T. Stepaniščeva, A. Šelja. Tartu: Kafedra russkoj literatury Tartuskogo universiteta, 112–120.
Erofeev, Nikolaj. 1982. *Tumannyj Al'bion: Anglija i angličane glazami russkich, 1825–1853 gg*. Moskva: Nauka.
Fedjanova G. V. 2008. *Krymskaja vojna v russkoj poėzii 1850-ch godov: avtoreferat dissertacii kandidata filologičeskich nauk*. Tver'. Kolomenskij gosudarstvennyj pedagogičeskij institut.
Fedotova, Anna. 2018. "*Trudnyj rost": recepcija v proze N. S. Leskova*. Jaroslavl': RIO, Jaroslavskij pedagogičeskij universitet.
Fol'klornyj teatr. 1988. Sost., vstupl. st., predisl. k tekstam i komment. A. F. Nekrylova and N. I. Savuškina, red. E. G. Kožedub. Moskva: Sovremennik.
Frierson, Cathy. 1993. *Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth Century Russia*. Oxford – New York: Oxford University Press.
Kaznina, Olga. 2001. "Anglija glazami russkich." *"Ja bereg pokidal tumannyj Al'biona … ". Russkie pisateli ob Anglii. 1646–1945*, red. O. A. Kaznina i A. N. Nikoljukin. Moskva: Rosspen, 3–24.
Glinka, Fëdor. 1854. *Ura! St[ichotvorenie] Fëdora Glinki*. Sankt-Peterburg. Tipografija Akademii Nauk.
Kočukov, Sergej. 2012. "*Za brat'ev-slavjan": Russko-tureckaja vojna 1877–1878 gg. v vosprijatii obščestva, vlasti i armii Rossijskoj imperii*. Saratov: Nauka.
—— 2014. "Russko-tureckaja vojna 1877–1878 gg. v poėtičeskoj publicistike." *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija: Istorija. Meždunarodnye otnošenija* 14 (1), 17–24.
Jubilejnaja knižka. 1881. *Premija k "Sobraniju romanov" E. N. Achmatovoj 1881g*. S.-Peterburg: Tipografia A. A. Kraevskogo.
Kucherskaja, Maja. 2014. "Comrade Leskov: How a Russian Writer was Integrated into Soviet National Myth." *Russian National Myth in Transition*. Acta Slavica Estonica, VI. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, XIV, edited by Ljubov' Kiseleva. Tartu: University of Tartu Press, 187–207.
Kučerskaja, Maja. 2021. *Leskov. Prozëvannyj genij*. Second edition. Moskva: Molodaja gvardija.
Leskov, Andrej. *Kartoteka dlja izučenija žizni i tvorčestva N. S. Leskova.* Manuscript Division of Institute of Russian Literature. Fond 612. № 383.
—— 1984. *Žizn' Nikolaja Leskova. Po ego ličnym, semejnym i nesemejnym zapisjam i pamjatjam*. Vol. 1–2. Moskva: Chudožestvennaja literatura.
Leskov, Nikolaj. 1956–1958. *Sobranie sočinenij v 11 tomach*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo chudožestvennoj literatury.
Levin, Jurij. 1987. "K voprosu ob istočnikach rasskaza N. S. Leskova 'Levša'." *Issledovanija po drevnej i novoj literature*, Leningrad: Nauka, 118–122.
Litvin, Jesfir'. 1956. "Fol'klornye istočniki 'Skaza o tul'skom kosom Levšem i o stal'noj bloche' N. S. Leskova." *Russkij fol'klor: Materialy i issledovanija*. T.1., red. M. O. Skripil'. M. – L.: Izd-vo AN SSSR, 125–134.
Miller, Fedor. 1854. "Francuzam (v otvet na ich gazetnye vozglasy)." *Moskovskie vedomosti* 32 (16 marta), 126.
Miller, Orest. 1881. "Užasnaja logika (1 marta 1881g.)." *Istoričeskij vestnik* IV (1–3), 854–857.
Ogden, Alexander. 2005. "The Impossible Peasant Voice in Russian Culture: Stylization and Mimicry." *Slavic Review* 64 (3), 517–537.
Orlov, Aleksandr. 2008. "*Teper' vižu angličan vblizi … ": Britanija i britancy v predstavlenijach rossijan o mire i o sebe (vtoraja polovina XVIII – pervaja polovina XIX vv.)*. Moskva: Giperboreja, Kučkovo pole.

PROOF ONLY

Oznobišin, Dmitrij. 2001. "Džon Bul'." *Stichotvorenija. Proza: v 2 knigach*. Kn. 1. Moskva: Nauka, 550.
Polonskij, Jakov. 1854. "Napoleon na russkoj granice." *Moskovskie vedomosti* 45 (15 aprel'), 181.
Presnov, Vasilij. 1855. *Anglijskie pesni na russkij lad*. Sankt-Peterburg: Tipografia N. P. Bogdanova.
Rančin, Andrej. 2018. "'Levša' N. S. Leskova i russkaja nacional'naja mifologija." *Rossija XXI* 3, 114–141.
Ratnikov, Kirill. 1999. "Krymskaja vojna i russkaja poėzija (1853–1856 gody)." *Vestnik Čeljabinskogo un-ta. Ser. 2: Filologija* 2 (9), 40–60.
—— 2016. "Poėtika politiki: invektivnye motivy russkoj stichotvornoj publicistiki v gody Krymskoj vojny (1853–1856)." *Izvestija vysšich učebnych zavedenij. Ural'skij region* 2, 78–87.
S. D. 1855. *Novosti s Baltijskogo morja, ili Mečty Dondasa. Russkaja banja, ili Kak prichodil francuz poparit'sja na svjatuju Rus'*. S-Peterburg: Tip. Koryčalova.
Safronova, Julija. 2014. *Russkoe obščestvo v zerkale revoljucionnogo terrora*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
Savinov, Vasilij. 1852. *Sceny iz russkogo narodnogo byta, 20 kartin, risovannye s natury I. S. Ščedrovskim, litografirovannye i pečatannye kraskami, s opisaniem. Tekst napisan V. I. Savinovym*. Pereizdano v 1855g. S.-Peterburg: Tip. I. Fišona.
Šešunova, Svetlana. 2016. "Britancy i russkie kak vragi po Krymskoj vojne." *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu imeni Al'freda Nobelja*. Serija: Filologični nauki 2 (12), 79–90.
Sobranie pesen, voennych kupletov, skazok, basen i stichov pro Turok, Angličan i francuzov. 1854. Moskva.
Svečin, Aleksandr. 2002. *Ėvoljucija voennogo iskusstva s drevnejšich vremën do našich dnej v dvuch tomach*. Vol. II. Moskva: Kučkovo pole.
Stoljarova, Irina. 1996. "Leskov i Rossija." In Leskov, Nikolaj, *Polnoe sobranie sočinenij v 30 tomach*. Vol. 1. Moskva: Terra, 7–100.
Tynjanov, Jurij. 1977. *Poėtika. Istorija literatury. Kino*. M.: Nauka.
Vdovin, Alexey & Kirill Zubkov. 2021. "New Approaches to Representations of Peasants in Russian Literature." *Russian Literature* 119 (January–February), 7–14.
Zolotarëv, Vladimir. 2005. *Protivoborstvo imperij. Vojna 1877–1878 godov apofeoz vostočnogo krizisa*. Moskva: Animi Fortitudo.
Zybin, Sergej. 1905. "Proischoždenie oružejnič'ej legendy o tul'skom kosom Levše i o stal'noj bloche." *Oružejnyj sbornik* 1, otd. 2, 1–58.

PROOF ONLY